

Т.В. Цивьян

О ТЕЛЕСНОСТИ ДУШИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ)*

Эта статья является для меня продолжением темы, начатой докладом на конференции в Университете «Сорбонна IV» в мае 2002 года. Конференция была посвящена телу в русской традиции и за ее пределами.

В архетипических представлениях тело и душа связаны в своей противопоставленности и противопоставлены в своей связанности. Неудивительно поэтому, что многие темы Парижской (о теле) и Гронингской (о духе и душе) конференции пересекались, соприкасались, а отчасти и совпадали.¹ Мои собственные темы на обеих конференциях оказались связаны антонимично. На парижской конференции был выбран тот фрагмент русской традиции, в котором актуально особое отношение человека к телу и прежде всего к собственному телу, отношение, условно говоря, «апофатическое»: тело стремятся сделать незаметным, оно не должно привлекать внимания, нельзя афишировать никаких естественных «телесных» проявлений – они как бы не существуют, и вместе с их исчезновением и само тело становится семиотически «бестелесным» (конечно, было затронуто и противоположное, «бурлескное» отношение к телу, с подчеркиванием сугубо телесных проявлений).² В самом общем виде инструментом этого «телесного апофатизма» становится одежда (по прецеденту прародителей, Адама и Евы). Одежда не просто прикрывает тело, и не просто играет роль «шалки-невидимки»:³ мы как бы уславливаемся, что тело под одеждой исчезает, что футляр одежды «заменяет» тело. Можно объяснить это на обратном примере: в серии старинных анекдотов о гувернантках, которые отличались преувеличенной *pruderie*, есть и такой: гувернантка отказывается выходить на улицу, поскольку «там ходят голые мужчины». На возражение, что они одеты, она

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 03-03-00220.

1 Не могу считать в этой связи случайной встречу с Й. ван Бааком у Сорбонны, во время «телесной конференции», и наш разговор о «душевно-духовной» конференции в Гронингене.

2 См. статью по материалам доклада: Цивьян, в печати.

3 Существенно, что невидимым человека (alias его тело) делает элемент одежды, аналогичный крыше/крышке, которая покрывает и тем самым скрывает его от мира.

отвечает, «но ведь под одеждой они все равно голые», т.е. опровергает этикетное условие «бестелесности тела».⁴

Аскетические практики, направленные на умерщвление плоти, преследуют цель приведения тела к бестелесности – и, тем самым, как бы очищению души от мешающего ей тела. Но когда эта цель достигается, душа парадоксальным образом обретает плоть, т.е. телесность. Парадоксализм (в семиотических терминах это мена оппозитивов) присущ архетипической модели мира, законам которой подчиняется интеллектуальная и эмоциональная деятельность человека. Не имея возможности приводить многочисленные и более чем известные примеры из разных традиций, когда в стройную и последовательную систему врываются исключения, которые потом могут стать правилом, скажу только, что стремление человека выйти за пределы установленных (в том числе и им самим) границ, вводит в обращение *оксюморон* не только как троп, но как один из принципов организации модели мира. Он является развитием и одновременно «опровержением» принципа бинаризма: оппозитивы приобретают единство значения, сохраняя при этом свою противопоставленность.

Материализация души, ее персонификация и овеществление, место ее нахождения в теле человека, ее физические действия (прежде всего движение) и состояния, ее потребности и т. п. исследованы весьма подробно, особенно на фольклорно-мифологическом материале. Из работ С.М. Толстой, давно и плодотворно занимающейся этой темой на славянском материале, назову здесь ее резюмирующую статью в словаре *Славянские древности* [СД 1999, s.v.; там же библиография], где все перечисленные свойства души изложены емко и компактно, и, с разрешения С.Ю. Неклюдова, приведу некоторые положения из его, к сожалению, не состоявшегося в Гронингене доклада:

Душа, противопоставленная телу как нематериальная субстанция своей материальной форме, с одной стороны, и как внутреннее внешнему, с другой, локально закрепляется за разными частями тела, становящимися ее средоточием и метафорически с нею отождествляемыми. В м е с т и л и щ е, таким образом, оказывается и п о с т а с ь ю, душа наделяется материальной природой и становится смертной. Убить, значит поразить душу.

Душа может располагаться в посторонних (по отношению к телу) предметах: в камне, в растении, в птичьем пере, в яйце (также являющемся в некоторых мифологических системах носителем жизненной силы), и т. д., ср. в связи с этим русское выражение «душа не на месте». Это порождает парадоксальные конфигурации. Например, отделение души от тела есть смерть. Но отделение души от тела и

⁴ Одежда как двойник/заместитель тела – отдельная тема, никак не ограничивающаяся гувенантками, но и об этом в данном случае речь не идет.

изолированное хранение ее есть бессмертие (Кощей Бессмертный русской сказки, «смерть» которого, т.е. на самом деле «жизнь», или, точнее, «внешняя душа», спрятана от посторонних глаз в недоступном месте). Душа прочно связана с сопредельными понятиями, составляя с ними ассоциативные ряды: душа — жизнь — судьба — удача — счастье; душа — источник жизни — жизненная сила — сила богатырская — сила «духовная» (потусторонняя, сверхъестественная, колдовская; магические и мантические способности, тайное знание, мудрость, хитрость).

Эти фольклорно-мифологические представления находят прямое отражение как в массовой культуре, с ее стремлением представить душу как «материальную реальность», так и в современной «нормальной» (в терминологии Т. Куна) науке, с ее установкой на выстраивание парадигм и уверенностью в возможности верификации (в случае души — материализации) любого граничного факта или представления.

Конечно, общие представления о душе не могут не быть связаны с фольклорно-мифологическими традициями, с научными данными, с философско-теологическими теориями. В данном случае я пытаюсь дистанцироваться от этих факторов, остановившись на той вполне известной и вряд ли опровержимой мысли, что душа и для человека вообще, и для каждого из нас в частности, остается загадочным понятием, невыразимым в буквальном смысле или невыразимым без помощи метафор, причем метафор «материализующих». Эта амбивалентность в определении души просматривается в формулировке С.М. Толстой: «Душа — главное понятие народной антропологии, бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле человека и покидающая его в момент смерти» (СД 1999, s.v.). Субстанция, покидающая тело, — создается ощущение материальной реальности.

В качестве примера здесь выбирается хрестоматийное произведение русской классической литературы XIX в. Поскольку речь идет о метафоре, т.е. о словесном выражении, опорой служат свидетельства языка как такового.

Несомненно, что для избранного периода (и, конечно, не только для него), все, что было связано с христианской традицией, было не просто живо, но лежало в основе общих, в том числе общекультурных представлений. В данном случае, имеется в виду «домашнее» чтение Библии и размышление над ней, а не ее богословское и/или философское толкование. Как мне кажется, загадка определения/представления души заложена уже там. Приведу лишь два из многочисленных библейских примеров, один из Ветхого, другой из Нового Завета.

Ветхий Завет

...душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия души очищает (Левит 17. 11); Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сыновьям Израилевым: не спите крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его; всякий, кто будет есть ее, истребится (Левит 17. 14); Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа; не ешь души вместе с мясом (Второзак. 12. 23).

Новый Завет

27. Тогда пришли некоторые из саддукеев, отвергающих воскресение, и спросили Его:
28. Учитель! Моисей написал нам, что если у кого умрет брат, имевший жену, и умрет бездетным, то брат его должен взять его жену и восстановить семя брату своему (Второзак. 25. 5).
29. Было семь братьев. Первый, взяв жену, умер бездетным.
30. Взял ту жену второй, и тот умер бездетным.
31. Взял ее третий, также все семеро; и умерли, не оставив детей.
32. После всех умерла и жена.
33. Итак, в воскресение, которого из них будет она женою? Ибо семеро имели ее женою.
34. Иисус сказал им в ответ: чада века сего женятся и выходят замуж;
35. А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых ни женятся, ни замуж не выходят.
36. И умереть уже не могут; ибо они равны Ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения (Лк. 20. 27–36).

В Ветхозаветном примере *душа* предстает в более чем вещественной форме – это *кровь*, телесный элемент. Но речь идет о *душе/крови* жертвенных животных, призванной очищать *души* человеческие, а что они собой представляют, не сказано. Не вынося тягот перехода по пустыне, народ ропщет против Бога и Моисея, говоря: «... здесь нет ни хлеба, ни воды, и душе нашей опротивела эта негодная пища» (Чис. 21. 5) – и это еще одно значение слова *душа* и/или представление *души*.

В Новозаветном примере Иисус объясняет саддукеям разницу между земным существованием человека (в *плоти* и *крови*, кстати, это вновь отсылает к *душе-крови*) и небесным – в *ипостаси души*. Очевидно, что спрашивающие не могут представить себе, что же такое *душа*, и стремятся придать ей вещественную оболочку. Точнее говоря, это и есть то самое представление о полной симметрии земного и небесного миров, которое нашло столь яркое выражение в фольклоре. Иисус пытается объяснить противопоставление образа *перстного* – образа *небесного*, исходя из уровня спрашивающих, но то, что *чада века*

сего после воскресения равны Ангелам, т.е. бесплотны, возможно, так и остается для них непредставимым.

Переходом к собственно литературе будет определение души из словаря Даля; как кажется, и по стилю, и по сути оно выходит за пределы словарной статьи и подчеркивает ту же неопределенность/непредставимость этого понятия и то же стремление «понять и представить»:

душа [со сноской: «Дух и душа отделены здесь в разные статьи только для удобства приисканья производных». – Т.Ц.]: бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею. В общем значении: человек с духом и телом; в болве твном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же твншйшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа. Говоря душа в значении человека, разумеют иногда людей обоего пола, иногда душу ревизскую, что собственно означает человека податного состояния. Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство. [...] Родовые души, населенное родовое, наследованное имяне. Прописные души, пропущенные в народной переписи. Мертвые души, люди, умершие в промежутке двух народных переписей, но числящиеся по уплате податей налицо (Даль, s.v.).

Итак, человек, существо, плотское и бесплотное, душевные качества, внутреннее чувство – во всех определениях, наряду с амбивалентностью, вольно или невольно проступает стремление к материализации души. Почти с облегчением Даль говорит о «законном» употреблении слова душа в значении человек,⁵ хотя именно тут появляется оксюморон, обесмысливающий слово и в его исходном определении, и специально в религиозном: мертвые души.

Совершенно ожидаемым представляется переход к *Мертвым душам* Гоголя. Здесь внимание будет обращено только на одно: на то, как Гоголь пытается устами своих героев, т.е. на словесном уровне, объяснить (точнее, представить), что же такое есть душа. Хотя он отводил от себя упреки критиков в кощунстве, говоря, что как же не понять, что имеются в виду просто ревизские души в терминологическом понимании слова, т.е. единицы исчисления людей (см. выше), все же нельзя не видеть в этом размышлений о том, как реально может быть представлена душа в нашем восприятии. Отказаться от такого рода подхода, как кажется, было бы недостаточным вниманием к тексту. Говоря словами Гоголя, читателю, как и персонажам поэмы (и, даже ее автору), хотелось бы понять: что за

5 Что также идет из библейской традиции, ср.: «Всех душ сынов его и дочерей его – тридцать три» (Быт. 46. 15); «Вот что велел Господь: собирайте [...] по гомору на человека, по числу душ, сколько у кого в шатре, собирайте» (Исх. 16. 16), «Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ» (Деян. 27. 37).

притча эти мертвые души?... и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души... Какая же причина в мертвых душах? А что если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые? Что именно нужно разуть под этими мертвыми душами? – Не случайно на том и строит Чичиков свой план, что предмет-то покажется всем невероятным.⁶

Диалоги Чичикова с помещиками, все разговоры о его сомнительном предприятии построены на сочетании мертвые души в его метафорическом, а не буквальном (терминологическом) значении, т.е. на актуализации упомянутого выше оксюморона: если это души, то они бессмертны, а если мертвые, то они не души. Конечно, формально Гоголь исходит из первого значения «крепостные», но контекст показывает, что нередко это делается для отвода глаз. А поскольку в сюжете речь идет о неких реальных операциях, то и возникает вопрос о реальном представлении этого невероятного предмета.

Предельно деловая и формально точная формулировка дается Чичиковым в его первом разговоре о продаже крестьян, в разговоре с Маниловым:

[Как желаете вы приобрести крестьян] Нет, я не то чтобы совершенно крестьян, сказал Чичиков, я желаю иметь мертвых [...] Я полагаю приобрести мертвых, которые впрочем значились бы по ревизии, как живые... [...] ...не живых в действительности, но живых относительно законной формы... [...] предмет таков, как есть, то есть те души, которые точно уже умерли... [...] Мы напишем, что они живы, как действительно стоит в ревизской сказке. Души, которые в некотором роде окончили свое существование.

Это «в некотором роде» звучит более чем двусмысленно, что и подтверждается дальнейшим, см. выборочные характеристики «предмета»:

1. Мертвые души:

оксюморон, о котором уже говорилось (опровержение бессмертия души), и одновременно каламбур, если, принимая объяснение Гоголя о «ревизских душах», считать, что душа обозначает человека (заметьте, когда речь идет о количественном перечислении):

- те души, которые точно уже умерли [...];
- души, которые в некотором роде окончили свое существование [...];
- Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими [...];

⁶ И здесь слова игра слов: предмет как тема и предмет как объект.

- души-то самые давно уже умерли, остался один неосязаемый чувствами звук [...];
- а что если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые?

Примечательно определение души как «неосязаемого чувствами звука»: выбраны два человеческих чувства, осязание и слух, чьи сферы действия совершенно независимы друг от друга. Вместе с тем, доступность чувственному восприятию косвенно указывает на материальность души (которая в другом эпизоде названа мечтой).

В результате – полная неопределенность, более того, подчеркнутая амбивалентность «предмета». Это соотносимо с «фигурой фикции», о которой писал Андрей Белый:

суть ее: в показываемом нет ничего, кроме неопределенного ограничения двух категорий: «все» и «ничто»; предмет охарактеризован отстоянием одной стороны от «все», «ничто»; отстояние «от» – не характеристика, а пародия на нее; предмет – пустое и общее место, на котором нарисована фикция... (Белый 1934, 80).

Продолжая мысль Белого, Ю. Мани говорит о миражной интриге *Мертвых душ*, о постоянном двоснии изображения, когда «на реальные предметы и явления падает отблеск какой-то странной „игры природы“» (Мани 1996, 259). Так, Собакевич начинает верить в реальность сказанного им, и «мертвые души, став предметом торга, приобретают в его глазах достоинства живых людей» (там же). Еще один пример фикции – обсуждение в городе поклонок Чичикова:

Ворох мнений растет как огромный снежный ком, – но растет из ничего, из фикции, какую представляли собой «крестьяне Чичикова»; за нею нет не то что бы ленивого и праздношатающегося мужика, но и ни одной живой души (на возможности подстановки под эту фикцию реальных людей все время «играет» Гоголь; тут один из источников неподражаемого комизма *Мертвых душ* и – одновременно – его перехода в грусть, в «слезы», в трагическое) (там же).

2. Опозиция живой/мертвый

Строго говоря, это развитие того же оксюморона или каламбура. Опозиция задана Гоголем в его «Заметках, относящихся к 1-й части» (*Мертвых душ*): «Как пустота и бессильная праздность жизни сменяется мутною, ничего не говорящей смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. Еще сильнее между тем должна представиться читателю мертвая бесчувствен-

ность жизни».⁷ Эта оппозиция является идеей произведения и лежит в основе многочисленных его исследований, которые в данном случае остаются в стороне. Не касаюсь я и дантовской традиции «комедии души», ее испытаний и очинения. Здесь я лишь пытаюсь понять, каким образом от буквального смысла «предмета» и от его рутинного словесного обозначения Гоголь переходит к неуловимости понятия и представления души.

Ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся однако ж до подачи новой ревизской сказки, наравне с живыми; Несуществующие, а не умершие; Уступите-ка мне их [...] вот этих-то всех, что умерли. [...] Непто хочешь ты их откапывать из земли? — ...покупка будет значиться только на бумаге и души будут прописаны как бы живые. — Да ведь они же мертвые. — Да кто же говорит, что они живые? Ведь я мертвых никогда не продавала; Никогда не случалось продавать мне покойников; Народ мертвый, а плати как за живого; Ведь я продаю не лапти ... ведь это тоже и не люди; Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души, а у меня что ядреный орех, все на отбор [на что Чичиков пытается возразить, что никого уже нет на свете. — Т.Ц.]: ведь это все народ мертвый; совершим на них купчую крепость, как бы они были живые; реестрик этих тунеядцев; Не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести слишком человек! хоть и в живых еще, а что в вас толку! то же что и мертвые [о беглых душах у Плюшкина. — Т.Ц.]; они не мертвые, это мое, говорит, дело знать мертвые ли они, или нет, они не мертвые, не мертвые [6 раз в одном абзаце. — Т.Ц.]; почему ходят мертвые души [снова каламбур: буквально «сколько стоят», переносно «ходячие покойники». — Т.Ц.].

3. Нулевая или отрицательная ценность *мертвых душ*

само по себе кощунственно, имеется ли в виду человек или его бессмертная душа:

умершие души в некотором роде совершенная дрянь; Ведь это прах. Понимаете ли? это просто прах... ведь это ни на что не нужно; что они у тебя, бриллиантовые, что ли? зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это все народ мертвый; ведь предмет просто: фу-фу. Что ж он стоит? кому нужен? может в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... Мертвые в хозяйстве! [...] Воробьев разве пугать по ночам в вашем огороде [...] Кости и могилы все вам остается; Мертвым телом хоть забор поддирай, говорит пословица; У вас душа человеческая все равно, что

⁷ Стилистику Гоголя темпераментно развивал Андрей Белый: «Царство трупов — вся русская действительность. [...] «Прижизненная смерть!» «Душа бессмертна!» воскликнул Московский цензурный комитет и запретил было «МД» за одно заглавие» (Белый 1934, 23).

пареная репа [упрек Собакевичу Чичикову. – Т.Ц.]; Души вздор; [Собакевич. – Т.Ц.] за дрянь взял деньги.

4. Мотив продажи или проигрыша души,

через который просвечивает и мотив продажи души дьяволу, и, в связи с этим, мотив оборотничества, ср. предположения перепуганных чиновников о том, кем может быть Чичиков (от ф а л ь ш и в о монетчика и шпиона до переодетого разбойника и переодетого Наполеона – известно, что в архетипических традициях переодевание эквивалентно превращению⁸), – «а впрочем чорт его знает, на лбу ведь не прочтешь». Чичиков объясняет, что «мертвые души нужны ему для приобретения весу в обществе, что он поместьев больших не имеет, так до того времени хоть какие-нибудь душонки; не хочешь играть на души? я поставлю всех умерших на карту» (далее Чичиков соглашается играть на души в шанки):

задаток... за проданные души получил сполна; Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу; а почему купили мертвую душу у Плюшкина? много наторговал мертвых? он торгует мертвыми душами; продай мне мертвых душ; [Коробочка решилась ехать в город. – Т.Ц.] и там узнать наверно, почему ходят мертвые души и уж не промахнулась ли она... продав их, может быть, в три-дешева; продайте, говорит, все души, которые умерли... я не могу продать, потому что они мертвые; как же покупать мертвые души? и на какие слепые деньги станет он покупать их? [ср. мифологический мотив смерти/слепоты. – Т.Ц.].

5. Евангельские аллюзии и прямые цитаты

В этом слое, также в большой степени построенном на каламбуре (см. особенно настойчиво повторяющийся мотив переселения душ⁹), в наибольшей степени сконцентрирована та неопределенность, которая сопровождает слово и понятие «душа» у Гоголя:

мертвые души дело не от мира сего... на то была воля Божия, чтобы они оставили мир сей; Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! В Херсонскую их! пусть их там живут! А переселение можно сделать законным образом; А в какие места? В места... в Херсонскую губернию... А земли в достаточном количестве? – В достаточном, сколько нужно для купленных

⁸ К этому же: карикатура, англичанин «сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон»; ср. также одноногого и однорукую Капитана Копейкина (к дефектности конечностей в мифологическом изображении нечистой силы).

⁹ И почти напрашивается параллель «Елисейские поля» и «земли (поля) в Таврической и Херсонской губерниях».

крестьян. Река или пруд? Река. Впрочем и пруд есть – [и к этому сомнения Собакевича. – Т.Ц.], вряд ли есть река и пруд, да и вся земля; За благоденствие крестьян его и счастливое их переселение; [Чичиков, в ответ на предложение конвоя для безопасного препровождения крестьян до места жительства. – Т.Ц.] купленные им крестьяне отменно смиренного характера, чувствуют сами добровольное расположение к переселению; переселение-то ненадежная вещь; Они теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдруг могут сделаться отличными подданными. Уж было не мало таких примеров: просто в мире, да и по истории тоже; [и, наконец] такие слухи, что, просто, голова кружится: что души – не души, что цель совсем не та, чтобы переселить.

Этот последний раздел снова возвращает к амбивалентности слова и концепта души в поэме. Уже было замечено, что Гоголь имеет обыкновение нагнетать ключевые слова, многократно повторяя их на небольшом пространстве текста.¹⁰ В *Мертвых душах* такими отмеченными словами являются обозначения человека (живого): «человек, смертный, мужик, душа» и нек. др., и они нередко употребляются как полные синонимы.¹¹ В соответствии с сюжетом, среди них наиболее частотное слово «душа», своего рода *terminus technicus* для счета (см. выше: формула «сколько душ крестьян» = сколько человек крестьян). Однако Гоголь стягивает и сталкивает разные значения этого слова: это, прежде всего этикетно-ласкательные обращения «душа» (моя), «душенька», далее устойчивые обороты, фразеологизмы и литературные клише: «отдать душу Богу; души уж нет – уж она ушла в пятки; человек доброй души; блаженство двух душ; восторг взволнованных им душ; отнимет от него и сердце и душу; тайное сочувствие между душами; Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу; как глубоко ни загляни автор ему в душу...» и др. Далее «души» в разных значениях как бы «притягиваются» друг к другу: «магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь; редкие свойства души»¹² – при покупке

¹⁰ Например, в рассуждениях о несовершенстве человеческой природы, на протяжении одного абзаца 6 раз появляется слово «смертный», под которым имеется в виду как раз и только живой человек: «но смертный, право, трудно даже понять, как устроен этот смертный: как бы ни была пошла новость, он немедленно сообщит ее другому смертному... а другой смертный с удовольствием преклонит ухо... и вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного... и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся досыта».

¹¹ «Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые точно были когда-то мужиками [...] то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладевало им. [...] Смотря долго на имена их он умилился духом и вздохнувши произнес [...] что вы, сердечные мои делади на веку своем? как перебивались? [...] и где тебя прибрало? [...] Ты что был за человек? [...] на дороге ли отдал душу Богу?»

¹² Отдельно должны быть рассмотрены слова с корнем «душ-»: «душевный, бездушный, душевспасительный, великодушие, добродушие» и т. д., так же как и паронимические аттракции типа «душные ограды, где люди не пользуются воздухом» (из письма неизвестной к Чичикову).

«душ» у Плюшкина; «Он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста». Ср. также формальное противопоставление: «...и если какое-нибудь душевное или телесное пятнышко, тогда беда!»¹³

На этом фоне, или, более точно, на этом «пути» к душе нематериальной выделяются два эпизода (в которых присутствует обычный для Гоголя оттенок иронии), где душа выступает не как единица счета, а как душа человеческая *par excellence*, но скрытая (или даже выведенная вон, ср. выше о местах размещения души по данным фольклорной традиции) настолько, что никогда и не будет востребована ее владельцем. Это, во-первых, душа Собакевича: «Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а как у бессмертного кощея, где-то за горами и закрыта такою толстой скорлупою...». Во-вторых, – душа прокурора, на которого так подействовали слухи о мертвых душах, что он, «пришедши домой стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого умер»: «увидели, что прокурор было одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была точно душа, хотя по скромности своей он ее никогда не показывал».

Неопределенность, смешение, перетекание значений слова душа сбивает с толку:¹⁴ оппозиция живой / мертвый задается однозначно, но с обратными значениями оппозитивов: то, что кажется живым, мертво и *vice versa*. Однако контексты, в которых появляется слово душа (своего рода «текст души», если пользоваться принятой сейчас терминологией *ских текстов), эту однозначность снимают. Не касаясь здесь основной смысловой нагрузки названной оппозиции, выражающей замысел Гоголя, укажем, что среди прочего она приводит к все той же проблеме: может ли душа быть представлена (и осознана) в своем идеальном

¹³ Это ироническое противопоставление духовного и телесного современный исследователь заметил и в сцене пробуждения Чичикова на перинах у Коробочки: «явленные здесь амбивалентные единства верха и низа, вознесения и падения, мертво парящих, невесомых, как души, перьев и низменно телесных живых мух...» (Тюпа 2004, 426).

¹⁴ Ср.: «Слово мертвые души так раздалось неопределенно, что стали подозревать даже, нет ли здесь какого намека на скоростажно погребенные тела». Приведем забавные случаи такого «смешения умов»; они взяты из помещенных в интернете образцов школьных сочинений (см., например, www.alisoch.ru): «Назвав свое произведение *Мертвыми душами*, Гоголь имел в виду не только ревизские души умерших крестьян»; «Мертвая душа – душа грешника, неспособная к любви и воскресению. Часть этих душ имеют собственные имена» и т. д., вплоть до откровенной шутки из издания «Красная бурда»: «Под мертвыми душами Гоголь подразумевает и высмеивает умерших крестьян и их пороки» (www.info.e-burg.ru/burda/).

облике, или человек нуждается в «материальных подпорках», так или иначе, придавая душе облик телесный.

Итак, от мертвых душ к смертным людям, и если последние представимы – это мы с вами, – то что можно сказать о первых? Несосязаемость и мечта стремятся воплотиться либо в живых людях, либо в мертвых телах (либо в звуке), разница между ними оказывается неуловимой, и души становятся двойниками людей.

Литература

Белый Андрей. 1934. *Мастерство Гоголя. Исследование*. М.-Л.

Манн Юрий. 1996. *Поэтика Гоголя. Вариации к теме*. М.

СД. 1999. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н.И. Толстого. Том 2. М.

Тюпа Валерий. 2004. „Сатирический дискурс Гоголя“, *Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*, Hamburg, 417–427.

Цивьян Т.В. В печати. «Отношение к себе и к своему телу в русской модели мира».